

ЛОГИКА. ЛОГИКИ. СУДЬБА¹

Г.В. Сорина

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Аннотация: В статье рассматриваются особенности коммуникативных процессов, общественных и личностных, в судьбе двух поколений логиков Московского университета: шестидесятников и семидесятников. Показывается, что в общем системном движении шестидесятников в нашей стране свое особое место занимали логики и методологи науки. В работе подчеркивается, что логики-шестидесятники фактически боролись за право существования в стране классической формальной логики и в то же время за право соответствовать мировому уровню развития логики. Демонстрируется влияние шестидесятников на формирование интеллектуальных биографий логиков-семидесятников, которые, в частности, занялись научно-теоретическим исследованием и преподаванием трех внешне разных направлений логики, сформировавшихся в семидесятые годы на Западе: критическое мышление, неформальная логика, теория аргументации. Показывается, что небольшая университетская группа друзей-логиков как бы разделилась в своих исследованиях по этим трем направлениям развития логики, в то же время присутствуя, в той или иной степени, в каждом из них. Представляется особая система человеческих отношений, которые сложились между шестидесятниками и семидесятниками, между учителями и учениками и внутри каждой из подгрупп в общей атмосфере философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 70-х годов.

Ключевые слова: логика, логики, судьба, шестидесятники, семидесятники, отчуждение, критическое мышление, неформальная логика, аргументация.

Автор идеи данного проекта «Философские поколения», направленного, в частности, на написание определенной летописи московской философской традиции, Ю.В. Синеокая, предложила своеобразную классификацию философских поколений. Если подумать, то такая классификация вполне обоснована и рациональна: расположить каждое поколение в клеточке центрального десятилетия получения образования. Так я, как известный герой Мольера, впервые осознала, что принадлежу к поколению семидесятников. В самом деле: поступила на философский факультет Московского университета в 1972 году, окончила его в 1977 году

¹ Статья подготовлена в рамках деятельности Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия». Первая публикация была осуществлена в издании: Сорина Г.В. Логика. Логика. Судьба. – Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: ЯСК, 2022. – С. 553–582.

в качестве специалиста с дипломом, в котором написано: «Философ. Преподаватель философии». В этом же году поступила в аспирантуру философского факультета, которую и окончила в том же десятилетии. Да, получается – семидесятница. Нашими учителями были шестидесятники. Можно сформулировать вполне законные вопросы. В чем основное отличие семидесятников от шестидесятников? Чем определяется их сходство? Есть ли оно вообще? Начну с общей характеристики понятий.

«Шестидесятники» – это понятие, которое в истории культуры России нагружено яркими коннотациями. В отличие от семидесятников и последующих философских поколений XX века, если принять предложенную выше классификацию, шестидесятники представляют собой исключение из предложенной классификации. Это поколение занимает особое место в истории культуры страны. Оно начало формироваться в качестве отдельного поколения до того центрального десятилетия, по имени которого было названо. Понятие «шестидесятники» представляет известные имена в истории России, в данном случае XX века. Нечасто обращают внимание на то, что само понятие «шестидесятники» пришло в историю прошлого века из истории XIX века, где шестидесятниками называли разночинцев, представителей народничества. В XX веке – это, прежде всего, интеллигенция, представители культуры. Список известных советских шестидесятников из таких областей, как литература, живопись, архитектура, театр, кино, других сфер культуры может занять несколько страниц. Мне в данном случае хотелось бы только подчеркнуть, что *движение шестидесятников в XX веке – это системное движение интеллектуалов*, которые застали Великую Отечественную войну, но по возрасту в своей основной части не приняли участия в боевых действиях. В этом общем системном движении шестидесятников свое особое место заняли представители философии, включая философию в целом, логику и методологию науки в частности. Мои учителя, в первую очередь логики и методологи науки, как раз были шестидесятниками. Это – Елена Дмитриевна Смирнова, Владимир Александрович Смирнов, Евгений Казимирович Войшвилло, Борис Семенович Грязнов, Дмитрий Павлович Горский. Да, это люди разного возраста, но ко всем им, на мой взгляд, может быть применено общее имя «шестидесятники».

Как же ответить на исходно сформулированные вопросы? *Первый вариант ответа на оба вопроса один: мы их ученики. Это во многом определяет и сходство, и различие.* Если придать современный смысл знаменитой фразе «стоя на плечах гигантов», уходящей своими корнями в средневековье, а может быть, и в более древние слои культуры, и сказать, что каждое поколение учителей расширяет горизонт своих учеников, то это как раз и будет о наших учителях и о нас. Мне кажется, что эта идея расширения горизонта, формирования другого горизонта видения у учеников однажды была очень точно сформулирована В.А. Смирновым. Он закончил читать нам, студентам, специализирующимся по кафедре логики, третью и последнюю лекцию по проблемам натурального вывода в общем курсе «Основы теории доказательства» и произнес фразу, которая врезалась в память. Эта фраза стала как бы показателем другого движения в пространстве логических дисциплин. Он сказал: «Мы с Софьей Александровной Яновской изучали натуральное исчисление в течение целого семестра. А с вами мы это прошли за три пары». У В.А. Смирнова, благодаря, в частности, С.А. Яновской, был иной горизонт видения проблем логики. Именно С.А. Яновская, центральная фигура в линии учителей для шестидесятников-логиков, стала организатором переводов на русский язык классических трудов по логике XX века, которые потом изучали последующие поколения логиков, специализировавшихся по кафедре логики. Это были переводы работ Д. Гильберта и В. Аккермана (1947), А. Тарского (1948), С.К. Клини (1957), Д. Пойя (1957), Р. Карнапа (1959). Е.Д. Смирнова и В.А. Смирнов с улыбкой рассказывали нам, ученикам, что над детской кроваткой их сына Алексея (А.В. Смирнова) висели формулы «из Клини». Вообще про семью Смирновых, про дом Смирновых, который был для нас и нашим домом, и нашим филиалом

университета, можно рассказывать много. Дом Смирновых на Гоголевском бульваре – это отдельная страница в профессиональном и личностном становлении логиков-семидесятников, как, впрочем, и других поколений их учеников. Но, возвращаясь к лекционному курсу В.А. Смирнова, хотела бы подчеркнуть, что результаты, включая педагогические практики, полученные С.А. Яновской, позволили ее ученику В.А. Смирнову «сжать семестр» в три пары уже для его учеников. Он, в свою очередь, открыл нам (вместе с другими нашими учителями) иной горизонт видения проблем логики и методологии науки.

Второе важнейшее отличие семидесятников от шестидесятников, наших учителей логиков и методологов науки, на мой взгляд, заключается в следующем. Они вернулись с войны и никогда о ней не забывали. Нарратив о войне часто присутствовал в их рассказах. В нашей стране такая фраза традиционно прочитывается как фраза о Великой Отечественной войне. В данном случае – нет. Войны бывают разные. Их, метафорически говоря, собственная война была войной за право существования в нашей стране классической формальной логики, за представленность множества вариантов современной символической логики, за право самостоятельно думать и самостоятельно выбирать исследовательские темы. И! За право соответствовать мировому уровню развития логики.

Преданность наших учителей логике, убежденность в ее особой роли в культуре, в том, что это должно быть главным делом жизни не только их самих, но и их учеников, иногда оборачивалась различными забавными эпизодами. На 5-м курсе у И.Н. Грифцовой родилась дочь, она в это время писала диплом, и месяца через три после рождения дочери пришла домой к Е.Д. Смирновой, которая была ее научным руководителем, обсудить текст, его структуру. Дверь открыл В.А. Смирнов, поздоровался и с порога задал Ирине Николаевне вопрос: «Ну что, начали уже учить дочку логике?» Самое удивительное, что задавал он этот вопрос, скорее всего, серьезно.

Сейчас слова о войне, борьбе за свободу развивать логику, преподавать логику звучат странно и непонятно. Но тогда, в 70-е годы, всё было очевидно. Мы профессионально сформировались в том числе в рассказах о той прошедшей войне. Любопытно, что наши коллеги-логики, которые закончили философский факультет в начале 80-х годов, О.В. Малюкова и Л.А. Демина, случайно в 2013 году нашли в старых кафедральных шкафах кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина текст стенограммы Всесоюзного совещания по логике за 1948 год. Общий объем этой стенограммы, которую О.В. Малюкова набрала на компьютере 14-м кеглем, – 450 страниц. Оказывается, это было важное совещание в контексте официальной борьбы с формализмом, в данном случае с логикой. Основной пафос этого заседания был направлен на то, чтобы доказать недопустимость преподавания классической формальной логики в вузах страны. Я приведу в качестве примера той прошедшей идеологической войны только одну цитату из первого выступления на совещании. Это было выступление заместителя министра высшего образования СССР профессора В.И. Светлова: «Ведь для всех нас очевидно, что логика не является безыдейной наукой, не есть убежище какого-то абстрактного академизма и формализма, а есть партийная, философская наука, которую нужно излагать страстным языком большевика, а не суконным, сухим языком педанта» [Стенограмма... 1948: 5]. Подобными и более жесткими высказываниями, направленными как против учебников по логике, так и против преподавателей логики, переполнены 450 страниц стенограммы. Наши учителя, в свою очередь, как раз и представляли то общее направление движения шестидесятников, которые были не согласны с такой официальной политикой борьбы с формализмом, в данном случае по отношению к логике.

Одно из направлений официальной политики в целом в разных сферах культуры того исторического периода было нацелено на исключение «формализма» из культуры (это и вто-

рая половина сороковых годов, и пятидесятые годы, и шестидесятые). Декларировалось недопущение формализма в логику, лингвистику, литературоведение, другие направления не только гуманитарного, но и естественнонаучного знания. «Формализм» почему-то не совпал с «генеральной линией партии», которая обвиняла в специальных постановлениях ЦК ВКП(б) в формализме композиторов В.И. Мурадели, Д.Д. Шостаковича, писателя М.М. Зощенко, поэта А.А. Ахматову, этот список гениев и талантов, обвиненных в формализме, может быть продолжен. В список формалистов, с которыми надо бороться, были внесены художники, театроведы, литературоведы, критики из самых разных областей культуры. Это были громкие, резонансные истории, которые не забыты и просто не могут быть забыты и в настоящее время. С точки зрения общественного резонанса борьба с формализмом в логике не была широко представлена за пределами профессионального сообщества философов и логиков.

Однако для наших учителей-шестидесятников «борьба с формализмом» отнюдь не была пустым звуком, метафорой. Официальная идеология оборачивалась к ним в качестве инструмента, нацеленного на исключение формальной, символической логики из образовательного и научного пространств. Шестидесятники, логики и методологи науки как в своих теоретических исследованиях, так и в своей личной позиции противостояли такой официальной установке. Они боролись за другие идеалы, за свободу в интеллектуальной деятельности, им необходимо было «взяться за руки, чтоб не пропасть поодиночке», как пел Б.Ш. Окуджава. Нас, логиков-семидесятников, в процессе обучения на кафедре логики философского факультета Московского университета всегда сопровождало «эхо прошедшей войны». Но все-таки для нас это было только историческое эхо. Мы, как это станет ясно из последующего текста статьи, были свободны в своем выборе направлений научных исследований в пространстве логики и методологии науки. Вместе с тем это не исключало и того, что однажды мы тоже приняли участие в написании опровержения в журнал «Коммунист» на очередную статью, обвиняющую логику в буржуазности. Тем не менее эпоха борьбы в целом уже была отчуждена от нас.

Это пространство свободы выбора в научной работе сформировали наши учителя-шестидесятники, используя для этого разные инструменты, а не только критику представителей официальной позиции борьбы с формальной логикой, например через противопоставление логике формальной логики диалектической. Одним из таких важнейших инструментов формирования этого пространства были конференции по логике, методологии и философии науки. Так, уже в первый год шестидесятых, в 1960 году, благодаря усилиям в первую очередь В.А. Смирнова, при непосредственной поддержке Е.Д. Смирновой, в Томске была проведена первая Всесоюзная конференция по логике и методологии науки. Все последующие годы В.А. Смирнов принимал активное участие в организации в Советском Союзе таких конференций как всесоюзного, так и международного уровня. В семидесятые и восьмидесятые они уже стали, кроме всего прочего, важным инструментом, во многом определяющим выбор направлений исследований их учеников.

Семидесятники, в свою очередь, – это люди, которые в 70-е годы профессионально еще только формировались. Искали свои темы, свои направления развития. Но все-таки профессионально они состоялись в последующие годы. Нам уже не надо было находиться в состоянии постоянной борьбы. Для нас логика во множестве ее направлений уже существовала как данность. Но «высокую планку исследований» (так любила говорить Е.Д. Смирнова) задавали наши учителя-шестидесятники. Они фактически *определили нашу профессиональную судьбу*, правда, после того, как мы выбрали в качестве специализации кафедру логики философского факультета Московского университета. Этот основополагающий выбор для формирования наших последующих интеллектуальных биографий открыл нам возможность сво-

бодного выбора в пространстве научно-исследовательской деятельности. Кроме права на свободный выбор тем научно-исследовательской деятельности мы получили от наших учителей и право на свободное общение с нашими западными коллегами в рамках международного сотрудничества.

Роль наших учителей в организации такого сотрудничества в области логики и методологии науки была велика. Несомненно, что лидером этого международного движения вновь был В.А. Смирнов. Это благодаря ему мы, студенты и аспиранты – семидесятники, не только читали работы и знали имена Я. Хинтикки², И. Ниинилуоты, Е. Сааринена, Р. Туомелы, других звезд финской и мировой логики, но были лично с ними знакомы. В.А. Смирнов в глубоко застойные годы сумел организовать постоянно действующий Советско-финский коллоквиум по логике и методологии науки. Этот коллоквиум работал один раз в два года: поочередно в Москве и Хельсинки. В одной из последних бесед с Е.Д. Смирновой, которая ушла из жизни в феврале 2017 года, она рассказала мне о своих «поездках» на финскую часть коллоквиума. Многие помнят эту чрезвычайно длинную и сложную процедуру оформления документов на право выехать за границу. Разрешение получено. Звонок на домашний телефон. Представитель компетентных органов (так это раньше называлось) задает ряд вопросов Елене Дмитриевне. Один из них о том, является ли Владимир Александрович Смирнов ее мужем. После получения положительного ответа, вывод /предложение представителя компетентных органов прозвучал так: «Решите, пожалуйста, сама, кто из вас поедет. Вдвоем мы вас не выпустим». Думаю, решение Е.Д. Смирновой очевидно. Ездил на коллоквиумы только В.А. Смирнов. Но вот в московской части коллоквиума, которая проводилась и в других городах Союза, могли принимать участие все логики.

Так, благодаря работе этих коллоквиумов на IV Советско-финском коллоквиуме, который проходил в мае 1985 года в г. Телави, мы познакомились с Г.Х. фон Вригтом и его женой. Вместе они являли собой образец высоких человеческих отношений. Тогда возникший образ восприятия этой пары сохранился у меня до сих пор. Психологически для нас, молодых исследователей, это была очень важная встреча. В то же время она была очень важной не только психологически, но и теоретически, в частности, лично для меня. Доклад фон Вригта был посвящен проблемам концептуализации, особенностям работы с понятием, столь важной для меня теме во все годы моей самостоятельной научно-исследовательской работы. Когда он начал выступать со своим докладом, я подумала: «Как же так: мы ведь это всё знаем. Это есть в учебниках по логике. А ведь это – фон Вригт». Когда он заканчивал свое выступление, я уже понимала, как много неизвестного в этой кажимости известного, как по-другому может быть представлена глубина исследования по теме, которая представлена в любом учебнике по логике, как важен новый уровень возвращения к внешне известным темам и новый уровень представления их. Этот опыт работы на Советско-финском коллоквиуме в г. Телави оказался значим для меня и в моей последующей теоретической деятельности, и в педагогической практике (к ней я вернусь ниже). Но такое личностное общение и личностное восприятие стало возможным благодаря В.А. Смирнову. Это его приглашение приехать в Советский Союз принял крупнейший логик и философ XX века, ученик Л. Витгенштейна, Г.Х. фон Вригт.

Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что свобода в сфере интеллектуальной деятельности, включая преподавательскую деятельность, в пространстве логики и методологии науки нам, семидесятникам, была дана как факт нашего бытия. Конечно, это не было общезна-

² Наша последняя встреча с крупнейшим логиком и философом XX и XXI веков состоялась в 2015 году в Хельсинки на XV Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки. При прощании Я. Хинтикка обратился к нам с И.Н. Грифцовой с просьбой передать привет Елене Смирновой. Через несколько дней его не стало. Привет передать мы успели.

чимое пространство свободы интеллектуальной деятельности в сфере, например, философии в целом. Речь идет только о логике и методологии науки. В отличие от наших учителей, для нас уже в этом пространстве остро стоял вопрос не только о том, что преподавать, но и как. Конечно, преподавательские манеры у наших учителей были разные в силу различия их личностных качеств. Но все-таки сама проблема как их мало волновала. Очень точно, например, преподавательскую манеру В.А. Смирнова описал В.И. Маркин:

Владимир Александрович не обладал каким-то особым ораторским даром, читал лекции близко к жанру научного доклада – достаточно сухо, всегда по существу, в жестком интеллектуальном темпе, без информационных пауз, не используя при этом никаких специальных педагогических и риторических приемов и относясь к студентам скорее как к коллегам, нежели к ученикам [Маркин 2010: 227].

Ситуация «ученик-коллега» возможна только тогда, когда речь идет о студентах, которые специализируются по твоей кафедре. Очевидно, что такая ситуация не распространяется на всех студентов, в первую очередь на студентов, которые пришли на твой курс как один из курсов общей программы по соответствующей специальности.

Именно поэтому для нас вопрос о том, как преподавать нелогикам и даже нефилософам, стоял очень остро. Причем в данном случае вновь вопрос стоял не о личностных особенностях преподавателя, а о поиске методологических оснований процесса преподавания. Это был вопрос, который мы часто обсуждали в нашем небольшом кругу друзей – логиков-семидесятников. Это были В.Н. Брюшинкин, И.Н. Грифцова и я. Мы понимали, что как раз нам предстоит преподавать логику нелогикам и нефилософам. Нас уже волновал тот образ логики [Грифцова 1995], который мы будем транслировать нашим студентам. Было очевидно, что классическая формальная логика, для которой, по Фреге, неважно, кто рассуждает – «люди или чудовища, ангелы или боги», была не очень пригодна для преподавания логики нелогикам. Мы искали другой контент преподавания, в рамках которого можно было бы учитывать рассуждающего субъекта и контекст, в котором проходит рассуждение. Это – старая проблема, о которой писали еще представители логики Пор-Рояля [Сорина, Грифцова 2007: 451–469]. Это всегда актуальная проблема, она была очень актуальна для нас. Проблема преподавания логики для нелогиков и для нефилософов нас волновала и потому, что *классическая формальная логика не способствует созданию свободного коммуникативного пространства, в частности, даже для образовательного процесса по изучению самой логики*, в том случае, когда речь не идет об узком круге людей, профессионально изучающих логику.

На Западе к этому времени сформировалось фактически три внешне разных образа логики, включенной в систему преподавания. Это были: теория аргументации, неформальная логика и критическое мышление. В нашей стране неформальной логикой и критическим мышлением как самостоятельными исследовательскими теоретическими направлениями, а тем более их преподаванием еще никто не занимался. Теория аргументации была представлена, но в основном просто как часть учебного курса логики. Между тем в мире эти направления активно развивались и на теоретическом уровне, и в практике преподавания.

В конце XX века в США, в Бостоне, состоялся XX Всемирный философский конгресс «Paideia: Философия в воспитании человечества» (Бостон, 10–16 августа 1998 года). Я подала тезисы на секцию философии права³. На ней был представлен мой доклад «Логика и право

³ Из этого интереса к проблемам взаимоотношения между логикой и правом в последующие годы вырос курс «Римское право», который я читала в начале двухтысячных в Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации в качестве профессора кафедры гражданского, финансового и банковского права (по совместительству).

в системах культуры России и Запада» [Sorina 1998]. В то же время для меня особенно важными в рамках работы конгресса стали два симпозиума, организованные одним и тем же научным сообществом, а именно «Международной ассоциацией неформальной логики и критического мышления». Очевидно, что в рамках обоих симпозиумов обсуждались проблемы критического мышления и неформальной логики. Мое участие в работе этих заседаний не было случайным. Оно было обусловлено непосредственным профессиональным интересом, как научным, так и педагогическим.

В моем лице впервые в заседаниях этой ассоциации принял участие российский представитель. Состав участников обоих заседаний конгресса явным образом пересекался, практически совпадал. В обоих заседаниях принимали участие Р. Еннис (R. Ennis), Х. Сигэл (H. Siegel), А. Блэр (A. Blair), Дж. Фриман (J. Freeman), другие представители нового направления в логике и методологии науки. Когда в конце первого заседания по критическому мышлению я задала Дж. Фриману вопрос о том, чем же отличаются друг от друга критическое мышление и неформальная логика, то в ответ после некоторой паузы услышала: «А Вы просто приходите на следующее заседание». Я посетила все заседания этих двух симпозиумов. Обсудила свой исходный вопрос с разными участниками и поняла, что отличие носит только административный и контекстный характер. *Административный* – ибо зависит от того, какую дисциплину (в условиях борьбы за рынок образовательных услуг) удастся ввести в качестве основной логической дисциплины в учебный план соответствующего вуза. *Контекстный* – ибо каждый раз способы преподавания и представления материалов для анализа оказывались зависимыми от конкретного учебного заведения и специализации тех, кому читаются эти курсы. Там же я впервые столкнулась с тем, что в рамках курса по критическому мышлению в качестве текстов для анализа может быть рассмотрен видеоряд, в данном конкретном случае на конгрессе анализировались результаты студенческих обсуждений документальных кадров Нюрнбергского процесса. Так, в частности, студентов учили аналитической деятельности и критическому анализу в одном из английских университетов. После возвращения из Бостона мой рассказ об участии в работе «Международной ассоциации неформальной логики и критического мышления» только укрепил решение нашей небольшой группы в необходимости развития этих новых направлений в логике и методологии науки.

Если в западных вузах учебные курсы по критическому мышлению и неформальной логике к этому времени давно читались, то наш опыт начался позже. В частности, И.Н. Грифцова и я разработали курс «Критическое мышление». Этот курс впервые в нашей стране начал нами читаться в конце 90-х годов прошлого века в трех российских университетах: Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова на философском факультете (это был небольшой спецкурс на кафедре философии и методологии науки. За предложение прочесть такой курс я до сих пор благодарна В.Г. Кузнецову), Московском педагогическом государственном университете на факультете социологии, экономики и права (тоже в рамках спецкурсов, при поддержке Л.А. Микешиной) и Калининградском государственном университете в рамках программы «Интеграция» для студентов, специализирующихся в области логики и философии. Чтение такого курса в Калининграде было инициировано В.Н. Брюшкиным.

Бостонский конгресс через доклады участников заседаний и через те материалы по неформальной логике и критическому мышлению, которые были привезены из Бостона, самым непосредственным образом повлиял на разработку нашей собственной концепции курса. В основу этой концепции вошло представление о критическом мышлении как о регулярном учебном курсе и как об определенной методологической концепции. Основные идеи этой методологической концепции могут быть представлены следующим образом:

- методология критического мышления является одним из важнейших элементов рациональной культуры общества;
- основой критического мышления является практически и антропологически ориентированная классическая формальная логика;
- методология критического мышления, укорененная в правовой и политической культурах, культуре повседневности, во многом определяет как понятийные стратегии, господствующие в обществе, так и непосредственно концептуальные изменения, происходящие в развивающемся социокультурном пространстве.

Чтение учебных курсов в рамках каких-то образовательных программ с необходимостью предполагает теоретические исследования в соответствующих областях. По-другому было нельзя. Так был задан основной вектор профессиональной позиции учителями-шестидесятниками. Наша небольшая университетская группа друзей-логиков как бы разделилась в своих исследованиях по трем направлениям, в то же время присутствуя, в той или иной степени, в каждом из них. В.Н. Брюшинкин сосредоточился на исследованиях в области теории аргументации, И.Н. Грифцова – неформальной логики, я – на исследованиях в области критического мышления.

В силу того, что курс по критическому мышлению стал первым учебным курсом из выделенных трех областей, которые мы читали студентам, то я и начну с обсуждения проблем критического мышления. В частности, для меня в рамках этого направления было важно проследить историко-философские основания критического мышления и уже на этой базе достраивать какие-то современные сюжеты.

При рассмотрении проблем критического мышления мне было важно показать, что, с одной стороны, история становления философского знания неотделима от формирования «критической техники», теории и практики вопросно-ответных процедур (ВОП), умения работать с понятием. С другой стороны, важно было показать, что фундамент современного учебного курса «Критическое мышление» был сформирован еще в античной критической традиции, что в рамках курса по критическому мышлению важно было проанализировать проблемы взаимоотношений между критическим и догматическим мышлением в истории и современности. Такая работа и была проведена мною вначале в статье «Критическое мышление: история и современный статус» [Сорина 2003: 98–111], потом в других статьях и в рамках моих учебных курсов, включая римское право. Оказалось, что без критического мышления невозможно себе представить становление и последующее развитие ни одной учебной и научной дисциплины. В частности, вне критического мышления трудно себе представить историю становления философии.

Философская проблема становления философии, как и любая иная, принадлежащая области философского знания, является дискуссионной. Не вступая в полемику по этому вопросу, я хотела бы заметить следующее. Если мы говорим о европейской философской традиции, опирающейся на письменные источники, то мы имеем полное право утверждать, что история формирования философского знания в своей «технически-формальной» части неотделима от «критической техники», от проблем концептуализации, теории и практики вопросно-ответных процедур. Именно античная «критическая техника» фактически становится, на мой взгляд, основанием того, что в XX веке определится под названием «Критическое мышление».

Дошедшие до нас тексты философов-досократиков не только свидетельствуют о том, что все они обсуждали космогонические проблемы, занимались поиском ответа на центральный вопрос древнегреческой философии: «Что есть все?» [Рожанский 1989: 10], но и соотносили свои позиции между собой, критиковали друг друга. Вместе с тем, в соответствии с дошедшими до нас письменными источниками, наиболее четко критическая линия отрицания

исходного тезиса аргументатора и противопоставления ему антитезиса реципиента проявилась в онтологических спорах между Парменидом и Горгием. Этим спорам я уделяю специальное внимание при рассмотрении истоков формирования идей критического мышления [Сорина 2003].

При рассмотрении проблем становления идей критического мышления мне было важно проследить и обосновать тот факт, что *критика базисных онтологических идей* еще в античности не только становится основанием для развития философского дискурса, но и порождает внутри него ряд самостоятельных поддискурсов, в том числе лингвистический и политический. В свою очередь, способность суждения становится «наиболее политической из человеческих способностей», а Сократ оказывается тем, «кто заставляет перейти от мысли к суждению, используя освобождающее действие критики» [Кассен 2000: 130].

Для меня было важно показать и то, что античная практика критического философствования находит свое образцовое выражение в стиле вопрошающего философствования (собственно говоря, именно для этого я и конструирую само понятие «вопрошающее философствование»), представленного, в первую очередь, в диалогах Платона. Сократовско-платоновский стиль вопрошающего философствования становится во многом образцом для всей последующей западной философской мысли. Этот стиль философствования не просто демонстрирует фактическую значимость критики, системы вопросно-ответных процедур для проведения и рационального обоснования выдвинутой позиции, но и содержит в себе образцы общей стратегии вопрошания в рамках любой иной области рассуждения. Вместе с тем критический стиль философствования проявляется не только в вопросительной установке. В нем представлены все возможные способы получения выводов, особая техника критического анализа понятий, способы формулировки суждений и «воздержания» от них, как заметил еще Диоген Лаэртский.

При рассмотрении историко-философских оснований критического мышления для меня было важно проследить и кантовскую позицию в этом вопросе. С точки зрения Канта, метод рассуждения, предложенный Сократом, позволяет как доказывать незнание собеседника-оппонента, так и отклонять его возражения. Кант считал, что именно этим методом он построил свою «Критику чистого разума» [Кант 1964: 96]. Этот же метод, с его точки зрения, лежит в основе творческой системы образования. По Канту оказывается, что становление философии и становление личности происходит на базе одних и тех же способов вопрошания. Хотела бы заметить, что анализ кантовского отношения к вопросам, вопросно-ответным процедурам (ВОП), в частности, в системе образования, насколько мне известно, впервые в виде специальной задачи был проанализирован именно в моих работах [Сорина 1991: 139–147].

В этом же контексте анализа вопросно-ответных процедур для меня было важно проследить отношение к вопросам Х.-Г. Гадамера. Как известно, из его размышлений следовало, что «структура вопроса предполагается всяким опытом», что «активность вопрошания» всегда позволяет охарактеризовать то, как происходит дело, что «логическая форма вопроса» присутствует в форме любого опыта [Гадамер 1988]. В силу того, что ВОП были важной частью критического мышления, я в своих теоретических исследованиях уделяла специальное внимание теории вопросно-ответных процедур, анализу практики вопрошания в различных формах рассуждения и аргументации. В моих исследованиях была предложена специальная классификация уровней вопрошания, были выделены вопросы объектного и метауровней. Если кратко представить основные идеи этой классификации, то можно провести следующую аналогию. Вопросы объектного уровня фактически соответствуют вопросам нормальной науки Т. Куна, а вопросы метауровня, точнее множество таких вопросов, могут привести к научной революции [Сорина 2009].

Для меня было важно показать, что техника ВОП еще в античности стала основанием критической техники и одновременно основанием того, что Аристотель исходно назвал органом, а затем в истории культуры закрепились под именем «Логика». Эта же критическая техника, расширенная и закреплённая за счет результатов, полученных в рамках формальной логики, фактически стала основой того, что во второй половине XX века определилось под названием «Критическое мышление».

Критическое мышление – важнейшие характеристики. В качестве рабочей я вначале предложила, а затем использовала в ряде работ следующую характеристику, стремящуюся к определению критического мышления. Критическое мышление (Critical Thinking) – это способ мышления, направленный на выявление структурных особенностей рассуждения, проверку корреляции между обоснованно выдвинутыми тезисами и соответствующими им аргументами, оценку выдвинутых тезисов, характеристику контекстов рассуждений с учетом особенностей автора и читателя, оппонента и пропонента», т. е. рассуждающего субъекта [Сорина 2016: 22].

Мне было важно показать, что в реальном учебно-педагогическом процессе *под рубрикой «Критическое мышление» представлена новая учебная дисциплина*, в фундамент которой положена современная интерпретация классической формальной логики. Критическое мышление стало вполне самостоятельной областью теоретического знания и столь же самостоятельной учебной дисциплиной. В этом качестве в западной системе образования критическое мышление изучается как студентами, еще только получающими образование, так и профессионалами, повышающими свою квалификацию в самых разных областях, в том числе: права и экономики, менеджмента и делового администрирования, государственного и муниципального управления, социологии и политологии, связей с общественностью, других областях.

Обзор литературы по проблемам критического мышления может занять несколько страниц. В то же время, думаю, для понимания практической значимости критического мышления в западной системе образования важно подчеркнуть следующее. Разделы по критическому мышлению включены в различные варианты западных тестов для поступления в магистратуру и аспирантуру. Например, любой вариант GMAT (Graduate Management Admission Test) включает в себя, в качестве обязательных, разделы «Critical Thinking» или «Critical Reasoning».

В рамках критического мышления исследуется то, «как мыслит человек», принимая решения, планируя свою жизнедеятельность и фактически реализовывая свои практические планы. Эта линия критического мышления постепенно привела меня к исследованиям в области теории принятия решений [Сорина 2009]. Одна из задач критического мышления как раз и заключается в том, чтобы влиять на уровень «практической рациональности» общества, в том числе в вопросах принятия и реализации решений.

История формирования критического мышления как учебной дисциплины, в свою очередь, неотделима от истории зарождения неформальной логики. Исследования в области неформальной логики в нашей стране первой начала И.Н. Грифцова. Сравнительный анализ содержания как учебных курсов «Критическое мышление» и «Неформальная логика», так и теоретических исследований показывает их множественные пересечения. Все это проявилось и в рамках XX Всемирного философского конгресса, как было показано выше и, конечно, в нашей исследовательской деятельности. Тем не менее можно указать и, условно говоря, реперные точки отличия и развития обоих направлений развития современных вариантов классической логики.

Если говорить о судьбе неформальной логики в нашей стране, то именно И.Н. Грифцова первой представила собственную концепцию взаимоотношений между формальной и не-

формальной логикой, построила свой собственный образ неформальной логики [Грифцова 1995; Грифцова 1998]. В своих работах И.Н. Грифцова показывает значение неформальной логики как регулятивного инструмента коммуникации в отличие от классической логики, которая перестала «участвовать в жизни общества, в жизни отдельного человека» [Грифцова 1998: 5] и которая исторически провозглашает свой принципиальный отказ от ориентации на исследование обыденных рассуждений, того, «как мыслит человек». Такая установка способствует развитию логики в качестве теоретической науки, но эта же установка способствует тому, что логика теряет свою практическую значимость. Конечно, этот процесс начался отнюдь не только в два последних столетия. Еще Г. Лейбниц писал о логике, что «толпа либо вообще не замечает предмета, либо оставляет его без внимания» [Лейбниц 1984: 74]. Но если в начале XX века на первом месте стояла проблема теоретического обоснования логики (эта задача стояла и перед нашими учителями-шестидесятниками), то в конце XX века и в начале XXI века уже явным образом стоял вопрос о применимости того, что сделано в логике, к различным практическим сферам, включая практику рассуждений. Мы, семидесятники, уже обсуждали вопрос о «прагматическом повороте» в исследованиях логики второй половины XX века, когда проявился интерес к анализу обыденного языка и мышления, коммуникации, когда сформировался спрос на исследования повседневной жизни. В этих условиях стало особенно важным понять, насколько эффективно логика может принять участие в современных когнитивных исследованиях, насколько реально она может повлиять на уровень практической рациональности общества [Грифцова 1995].

И.Н. Грифцова провела специальное исследование истории становления неформальной логики, которая в качестве самостоятельной области знания начинает формироваться в 70-е годы XX века и первоначально предстает в качестве учебной дисциплины (главным образом, в Канаде, США, Голландии, Бельгии, затем в Великобритании). В своих работах она представляет анализ философских, в первую очередь, теоретико-познавательных установок, принципов, влияющих на ту или иную трактовку логики, ее основных понятий и методов, которые в конечном счете и формируют соответствующий образ логики [Грифцова 1998], в данном случае ориентированный на анализ коммуникативных процессов. В то же время она показывает, что неформальная логика в коммуникативном пространстве культуры проявляется, в частности, в качестве логики языка (языка науки в том числе). Логика, в лице неформальной логики, словно оборачивается к проблемам бытия человека в мире. При этом в самом факте бытия человека в мире как бы переплетаются креативность, а значит, произвольность мышления и его аподиктичность. Но если проблемы креативности можно обсуждать, используя средства неформальной логики, вместе с тем ей же под силу и анализ проблем аподиктичности, то в рамках формальной логики можно говорить только о проблемах доказательности, т. е. аподиктичности. Свобода творческого мышления никак не может обсуждаться в рамках формальной логики. Однако без такой свободы невозможно создать коммуникативное пространство культуры и образования. В силу этого как раз и оказываются в широком контексте культуры востребованными неформальная логика, критическое мышление, аргументация.

Уже в XX веке становится очевидным, что использование формализованных искусственных языков и исчислений приводит, с одной стороны, к «превращению логики в довольно специализированную область знания, самодостаточную, занимающуюся, главным образом, разработкой собственных внутрилогических проблем» [Там же: 4], с другой – происходит процесс исчезновения логики из коммуникативного пространства культуры. Именно в таком контексте И.Н. Грифцова приходит к выводу о том, что логика, «...озабоченная обоснованием собственной теоретической самостоятельности, постепенно теряет свою практическую значимость» [Там же: 5], свое коммуникативное начало. Она делает вывод, с кото-

рым трудно не согласиться, что в XX веке доминирующим оказался тот образ логики, который создавался усилиями Г. Фреге, Б. Рассела, Д. Гильберта, логическими позитивистами, аналитической философией.

Именно в этом контексте И.Н. Грифцова обосновывает необходимость поворота философии логики к анализу проблем обыденного языка. И.Н. Грифцова занимает позицию, в соответствии с которой логика может принять участие в обсуждении множества проблем, формирующихся в современном коммуникативном пространстве, понимание которого, в свою очередь, требует анализа обыденного языка. Рационально выстроенное коммуникативное пространство призвано влиять на общий уровень «практической рациональности» общества. Эта классическая проблема в истории логики сформировалась отнюдь не только в логике XX века, она, как показывает И.Н. Грифцова, фактически уже была представлена у Аристотеля. «Трансдискурсивная» позиция Аристотеля, если следовать классификации авторов, предложенной М. Фуко, позволяет обосновать точку зрения, в соответствии с которой уже у Аристотеля представлены начала как формальной, так и неформальной логики [Там же: 200–201. Если трактовка логики Аристотеля как формальной, начиная со средневековья, стала общим местом, то обращение к логике Аристотеля в контексте ее «практической» составляющей позволяет предъявить ее неформальные аспекты, что и делает в своих работах И.Н. Грифцова.

Она подчеркивает, что в работах Аристотеля, в первую очередь в «Риторике», фактически рассматриваются различные формы живого и аффективного обращения людей к смыслу, сочувствию и содействию. Фактически для определения границ исследуемого коммуникативного пространства бытия логики в системе культуры И.Н. Грифцова вводит понятие «образ логики» [Там же]. Так, образ практической логики она связывает с проблемой интенциональности. Оказывается, что суждения, содержащие интенциональные термины, определяют интенцию и последующих действий: их мотив, цель, желание, намерение и т. п. В своих исследованиях она, в частности, опирается на анализ историко-философских контекстов формирования того, что в XX веке будет названо неформальной логикой.

Обращение к разным образам логики в истории культуры позволяет показать, что логика в истории своего развития оказывается неразрывно связанной с проблемами коммуникации. Она с момента своего возникновения в трудах Аристотеля становится важнейшим инструментом проведения в жизнь политических, а затем, начиная со средневековья, и теологических идей. Постепенно она становится важнейшим регулятивным инструментом разных форм коммуникаций, включая коммуникацию в сферах теологии и политики. В истории мировой культуры отношение к логике все время менялось. Оно никогда не было однозначным. Но даже в периоды полного отвержения логики как науки она оставалась инструментом для доказательства и опровержения, формой для «публичного использования разума» как регулятивного инструмента коммуникации.

Особенно четко и последовательно это проявилось в той части современного поворота в логике, который оказался связан с теорией аргументации.

Отдельное место в этом движении заняли исследования по теории аргументации В.Н. Брюшинкина, его системная модель аргументации. Но прежде, чем рассказать о результатах В.Н. Брюшинкина в области теории аргументации, мне хотелось бы рассказать о его теоретических исследованиях проблем психологизма, без которых, на мой взгляд, не возник бы его постоянно действующий научно-исследовательский международный семинар «Модели рассуждений». Его докторская диссертация «Логическое моделирование процессов мышления» (1990) посвящена в том числе анализу проблем психологизма. В диссертации он, в частности, представляет свою концепцию метапсихологизма.

Еще в книге, написанной мною в 1993 году, «Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре» я уже в первом очерке посвятила специальный параграф концепции В.Н. Брюшинкина. Параграф называется «“Новый психологизм” в программе метапсихологизма В.Н. Брюшинкина» [Сорина 1993]. Помню, что этому параграфу удивлялись мои коллеги как из поколения учителей, так и поколения друзей. Теперь я понимаю, что успела написать сразу, при жизни В.Н. Брюшинкина в рамках той исследовательской области в конце прошедшего столетия, в которой мы оба работали, о его собственных результатах⁴.

Уже в концепции нового психологизма В.Н. Брюшинкина, на мой взгляд, как бы просвечивает концепция разных моделей рассуждения в целом и в психологизме – антипсихологизме в частности.

Если очень кратко, то спор между психологизмом и антипсихологизмом, представленный в достаточно обширной литературе XX века, можно рассмотреть, используя современную терминологию, как длящийся сквозь века проект, о котором писали как в различных областях гуманитарной культуры, включая конкретные гуманитарные дисциплины, так и на метатеоретическом уровне. Как показали наши исследования, спор между психологизмом и антипсихологизмом в качестве важной пресуппозиции присутствует: во фрегевской концепции логики, определившей во многом современное состояние логики; в гуссерлевской феноменологии; в некоторых принципиальных положениях семиотики; в программных установках неопозитивизма; в концепциях раннего и позднего Витгенштейна; в попперовской методологии; в сосюрговской лингвистической концепции; в бахтинской теории полифонии и диалогизма; в психологии искусства Выготского. Это – незавершенный список, ибо в той или иной форме спор между психологизмом и антипсихологизмом присутствует и в других пластах гуманитарного знания.

Можно выделить своеобразные миры психологизма и антипсихологизма в разных областях культуры. Даже в мире одной конкретной науки психологизм может проявляться в разных формах. Например, классификация только логического психологизма, предложенная В.Н. Брюшинкиным, выглядит следующим образом: «редукционистский психологизм – наивный психологизм – крайний психологизм...» [Брюшинкин 1988: 47]. Вместе с тем, я думаю, можно сказать, что то, что делает теорию психологистической в самых разных науках, определяется следующими тремя основными установками: (1) утверждение методологического и теоретического превосходства психологии над всеми другими науками; (2) декларация необходимости построения других наук на базе психологии; (3) выделение решающей роли субъекта в науке и культуре.

Отношение к субъекту, выявление его места в процессах, исследуемых в конкретных науках, сферах культуры, подчеркивание основополагающей роли субъекта или полное отрицание его значения в каждой конкретной сфере является важнейшей линией противостояния между психологизмом и антипсихологизмом.

В свою очередь, три основных тезиса антипсихологизма в комплексе гуманитарных наук прямо противостоят трем основным тезисам психологизма. Антипсихологизм исходит из следующих установок: (1) содержание ни одной науки, включая психологию, не может быть объяснено и обосновано в психологистических терминах, оно никак не связано с психическими процессами. В силу этого у психологии нет методологического и теоретического превосходства над всеми другими науками; (2) любая наука должна выстраиваться на соб-

⁴ В.Н. Брюшинкин на три года раньше меня защитил докторскую диссертацию. Однако исторически случилось так, что я занималась антитезой «психологизм – антипсихологизм», начиная со своей первой курсовой работы и заканчивая докторской диссертацией. В.Н. Брюшинкин начал исследование данной антитезы именно в рамках своей докторской диссертации.

ственных основаниях, ориентироваться на исследование своих собственных форм, определяющих ее содержание; (3) в науке не просто недопустимо все сводить к психическим процессам познающего субъекта, субъект вообще должен быть выведен за рамки науки. «Машина науки» выдает результаты без вмешательства человека. Человек же лишь должен знать метод, позволяющий ему использовать эту машину.

Соответственно разным установкам, образ гуманитарного мира по-разному выстраивался и по-разному выглядел в рамках психологизма и антипсихологизма. Можно выделить этапы подъема и спада интереса к проблемам данной антитезы. Причем я хотела бы специально подчеркнуть, что современные этапы такого интереса проявляются уже после того, как в 30-е годы XX столетия была провозглашена полная победа антипсихологизма над психологизмом [Сорина 1993]. В качестве только одного из примеров актуальности данной проблематики я хотела бы привести исследования современного австрийского профессора М. Куша, который дает социологическую интерпретацию проблем данной антитезы [Kusch 2000].

В конце 80-х годов XX века этот интерес был очевиден. Так, именно в это время В.Н. Брюшинкин *предложил программу возрождения психологизма в логике*. Он назвал свою программу программой метапсихологизма. «Психологизм» Брюшинкина я считаю возможным охарактеризовать как анти-антипсихологизм, что нетождественно классическому психологизму. Аналогичным образом, на мой взгляд, могут быть представлены некоторые идеи Выготского, позднего Витгенштейна, Бахтина [Сорина 2013].

В чем же суть метапсихологизма В.Н. Брюшинкина? Проблему возвращения психологизма в логику Брюшинкин «встраивает» в общую концепцию философских взглядов на логику, связывая между собой «гуманитарную установку» в логике и возвращение в нее «человеческого фактора». Такое возвращение он рассматривает в рамках философии логики, где он анализирует проблему соотношения формализованных логических процедур и *естественного мышления, которое, в частности, проявляется в процессах рассуждения и аргументации*. В.Н. Брюшинкин писал, что «...философия логики начинается с разделения логических процедур, совершаемых при помощи формализованных языков, и естественного мышления, не пользующегося формализованными языками» [Брюшинкин 1988: 13].

Понятие «естественное мышление» используется им для характеристики ежедневных «массовидных» процессов рассуждения, зависимых от запаса знаний, навыков субъекта, его психологических особенностей. Совершенно очевидно, что вводить «психологизм» в процессы «естественных рассуждений» нет никакой необходимости, ибо его просто невозможно «вынуть» оттуда.

Программа метапсихологизма Брюшинкина направлена на возвращение психологизма именно в логику. Формулировка такой задачи в общей форме, без детализации, внешне практически ничем не отличается от традиционного психологизма. Тем не менее различия между классическим психологизмом и психологизмом (метапсихологизмом) Брюшинкина носят принципиальный характер. В чем они заключаются?

Эти различия начинаются с дифференциации области логических исследований. В качестве объекта, служащего основанием для философских обобщений в логике, Брюшинкин выделяет новую и еще не вполне сформировавшуюся область символической логики – теорию поиска вывода. Эта теория начинает формироваться с конца 50-х годов и получает свое развитие в середине 70-х годов в работах С.Ю. Маслова. Брюшинкин ставит задачу возвращения психологизма в логические процедуры, но при этом сама логическая процедура понимается им как сложная система, состоящая из двух подсистем: поиска вывода и вывода.

Возвращение психологизма в логику, как показывает автор программы метапсихологизма, возможно только в рамках одной из этих подсистем: в поиске вывода, который ведется на метауровне исследования и позволяет в процессе поиска конкретного варианта вывода

моделировать некоторые процессы естественного мышления. В терминах психологизма и антипсихологизма анализируемая программа может быть изложена следующим образом. Для данной концепции «нового психологизма» характерны непсихологистическое истолкование процедуры логического вывода (сохранение основополагающего тезиса антипсихологизма в логике) и одновременно представление о логических процедурах (на уровне поиска вывода, осуществляемого субъектом) как некоторых моделях естественного мышления. Этот тезис уже, в свою очередь, является модификацией важнейшего тезиса логического психологизма, в соответствии с которым логика представляет процессы человеческого мышления. Фактически «новый психологизм», метапсихологизм Брюшинкина предусматривает синтез некоторых идей психологизма и антипсихологизма в логике. В начале XX века подобный путь синтеза по отношению к психологизму и антипсихологизму в эстетике был предложен Л.С. Выготским [Сорина 2013]. Такой синтез позволяет вернуть познающего субъекта в разные формы научного знания.

Различение в рамках логической процедуры вывода и поиска вывода позволяет Брюшинкину утверждать (а затем и показать на конкретных примерах анализа психологистической трактовки дедукции в секвенциальных системах Дж. Робинсона, концепции Ж. Пиаже, модели мышления С.Л. Рубинштейна и так далее), что символическая логика, не занимаясь эмпирическим исследованием мышления, «способна давать нам информацию (по крайней мере) о некоторых аспектах процесса мышления» [Брюшинкин 1988: 37]. Мне представляется важным подчеркнуть, что такая постановка вопроса не ведет к возвращению классического психологизма с его тремя основными признаками. Речь не идет о том, чтобы представить логический вывод как отражение какой-либо психической реальности. Важнейшая идея «нового психологизма» заключается в том, что в процедуре поиска вывода есть место для «человеческого фактора», для познающего субъекта.

Анализ, проведенный Брюшинкиным на логическом и психологическом материале, направлен на доказательство возможности и необходимости логического моделирования некоторых аспектов естественного мышления. В этой форме «нового психологизма» не реставрируются редуccionистские идеи «старого психологизма» о необходимости построения и объяснения всех других наук на базе психологии. Как я уже отмечала, в этой концепции синтезируются некоторые идеи психологизма и антипсихологизма, а «человеческий фактор», рассуждающий субъект, оказывается существенным элементом символической логики.

В этом смысле, как я думаю, исследования в области психологизма стали одним из важнейших оснований для организации В.Н. Брюшинкиным в Калининграде его научно-исследовательского семинара по проблемам моделей рассуждений. Правда, этому семинару предшествовал еще и другой постоянно действующий научно-исследовательский международный семинар: «Логическое кантоведение» («Logical Kant Studies»). На мой взгляд, этот семинар позволяет еще раз подчеркнуть особое значение взаимодействия между учителями и учениками: шестидесятниками и семидесятниками. Семинар по логическому кантоведению первоначально был очень небольшим и четко объединял между собой учителей и учеников. Этот семинар задал, как говорил сам В.Н. Брюшинкин, новое направление логических и историко-философских исследований. Это направление «нашло признание со стороны одного из самых строгих наших логических авторитетов», В.А. Смирнова [Брюшинкин 1998: 10]. Вначале В.А. Смирнов отнесся с некоторой осторожностью к идее такого семинара. Но потом активно его поддержал, выступал с докладами. Главное – он поддержал саму идею проведения логических и историко-философских исследований.

Первый семинар состоялся в ноябре 1987 года. Он назывался «Философия Канта и современные логико-лингвистические исследования». В работе первого семинара участвовали: В.А. Смирнов, Е.Д. Смирнова, В.Н. Брюшинкин, И.Н. Грифцова, Г.В. Сорина,

В.С. Меськов, В.А. Бочаров, А.Ф. Грязнов, а также калининградские философы и логики: Л.А. Калинин, А.Н. Троепольский.

В.А. Смирнов выступил на нем с главным докладом «Иммануил Кант и современная логика». Позже доклад был опубликован в «Кантовском сборнике». С точки зрения В.А. Смирнова, внимательное изучение кантовских работ позволяет, с одной стороны, проанализировать кантовские идеи с помощью логических средств, с другой – позволяет найти новые пути развития логики как науки. Эти идеи стали основной установкой для развития всего направления логического кантоведения. Лично для меня этот семинар стал толчком к исследованию кантовского отношения к вопросу, вопросно-ответным процедурам в трудах Канта.

Конечно, уже первый семинар по логическому кантоведению, как потом и все последующие, создавал особую систему человеческих отношений. Так, первый семинар, в отличие от последующих, которые проводились в Светлогорске, проходил в Калининграде. Но все-таки в один из дней В.Н. Брюшинкин организовал для участников семинара поездку в Светлогорск. В этот день была настоящая ноябрьская погода: «временами не дождало», но в основном целый день устойчиво «дождало». Иногда дождь был очень сильный, иногда – не столь сильный. Туфли Владимира Александровича промокли, гулять в них было просто нельзя, и мы все пошли искать магазин, где можно было бы купить обувь. 1987 год. Эпоха дефицита. Небольшой курортный город после закрытия курортного сезона. Нынешний Светлогорск очень отличается от Светлогорска той эпохи. Но! Владимиру Александровичу, а значит, и всем нам повезло: была ровно одна пара осенней обуви, именно того размера, который был нужен. Потом в автобусе долго шутили о том, как удачно был выполнен в Светлогорске «спецзаказ», определивший возможность прогулки. Пожалуй, есть еще одно очень яркое впечатление, сохранившееся на всю жизнь, с того первого семинара. Мы спустились к морю, и все, кроме Елены Дмитриевны, спрятались под навес. Елена Дмитриевна одна очень долго стояла у самой кромки моря и смотрела вдаль. Вернулась она к нам промокая до нитки (на ней было осеннее пальто с утеплителем), но какая-то тихо счастливая. Все последующие годы наших семинаров в Светлогорске беседа с морем, ведомая только ей одной, продолжалась у Елены Дмитриевны каждый год. В эти минуты ей никто не мешал. Это была личная беседа.

В 1989 году состоялся следующий семинар, «Логическое кантоведение – 2: Логика практического разума». На нем В.А. Смирнов также выступил с основным докладом: «О перспективах анализа учения И. Канта о праве и морали средствами современной логики». Этот доклад был опубликован в пятнадцатом выпуске «Кантовского сборника». К сожалению, в третьем семинаре В.А. Смирнов уже не смог принять участие. «Логическое кантоведение – 4» (сентябрь 1997 года) было посвящено памяти Владимира Александровича Смирнова. По договоренности, поддержанной участниками семинара, между В.А. Смирновым и В.Н. Брюшинкиным на 4-м семинаре планировалось рассмотреть проблемы психологизма и антипсихологизма в логике. Такое обсуждение состоялось. В частности, В.Н. Брюшинкин и я смогли представить свои концепции этого комплекса проблем на примерах из логики. Кроме того, свои доклады на этом семинаре представили Е.Д. Смирнова и Марк Наттурно (попперианец, один из крупнейших западных специалистов в области проблем психологизма – антипсихологизма в истории философии), который прилетел на семинар из Лондона [Notturmo 1988: 100–118].

Семинар по логическому кантоведению фактически перешел, вместе со своими участниками, в семинар под общей рубрикой «Модели рассуждений» (МР). Вот как причины создания этого семинара прокомментировал В.Н. Брюшинкин в предисловии к сборнику науч-

ных статей, вышедших по результатам работы первого семинара. Сборник статей открывался следующей фразой:

Рациональность связана со способностью человека рассуждать и сообщать результаты своих рассуждений другим людям. На протяжении многих веков признанной теорией рассуждений была логика... В XX веке появились альтернативные модели рассуждений в рамках когнитивных наук, искусственного интеллекта, теории аргументации, новой риторики, ставящие перед собой задачу приближения моделей к реальным рассуждениям. Возникла задача исследования многообразия моделей рассуждений и их соотношения с логикой. Решению этой проблемы посвящена серия семинаров «Модели рассуждений»... являющееся продолжением семинаров по логическому кантоведению, регулярно проводимых в Калининграде / Светлогорске с 1987 г. На семинаре 2006 г. «Модели рассуждений –1: Логика и аргументация», состоявшемся 3–5 октября 2006 г. в Светлогорске, обсуждалась проблема соотношения логики и теории аргументации в историческом и теоретическом аспектах [Брюшинкин 2007: 7].

Этому семинару и работам, подготовленным в его рамках, его результатам можно посвятить отдельную книгу.

Инвариантное название «Модели рассуждений» каждый раз конкретизировалось

...в виде подзаголовка: логика и аргументация; когнитивный подход; аргументация и риторика; аргументация, коммуникация, общество; теории и технологии аргументации; принятие решений: теория, методология, практика; модели рассуждений в междисциплинарных и трансдисциплинарных пространствах; аргументация в современной мировой общественной, политической и образовательной деятельности; логика и философия [Грифцова 2016].

Но все вместе они работали на один общий результат: обсуждения и анализа теории и практики способов рассуждения, выявления их рациональных оснований. У этого семинара были очень важные результаты. Непосредственно сам В. Н. Брюшинкин в рамках работы МР предложил свою собственную системную модель аргументации [Брюшинкин 2000: 133–155; Брюшинкин 2005: 11–17; Брюшинкин 2008: 7–19].

Можно отметить еще два наиболее заметных и наиболее значимых в рамках академического сообщества результата: защиты докторских диссертаций по логике. Насколько я знаю, в настоящий момент это последние две докторские диссертации, защищенные по логике в нашей стране. Не буду заниматься прогнозом того, когда появятся следующие. Думаю, они появятся. Скажу несколько слов о тех, которые были написаны непосредственно под влиянием работы семинара по моделям рассуждений. Так как это достаточно смелое утверждение по поводу результатов других, то прежде, чем сформулировать его в рамках данной статьи, я позвонила коллегам, защитившим в 2012 и в 2016 годах докторские диссертации по логике, и спросила, могу ли я написать о влиянии МР на подготовку и защиту их диссертаций. В обоих случаях я получила утвердительный ответ. При этом Д.В. Зайцев (профессор Московского университета) попросил меня подчеркнуть, что даже название его диссертации «Обобщенная релевантная логика и модели рассуждений» (2012) сформировалось под влиянием МР, что В.Н. Брюшинкин должен был быть его оппонентом, но, к сожалению, уже не успел⁵. В свою очередь, Е.Н. Лисанюк (профессор Санкт-Петербургского государственного университета) попросила отметить, что она занялась проблемами своего исследования, которые затем переросли в докторскую диссертацию «Логико-когнитивная теория аргументации»

⁵ В.Н. Брюшинкин ушел из жизни 7 июня 2012 года.

(2016), исходно для того, чтобы разобраться, что понимает В.Н. Брюшинкин под системной моделью аргументации. Не думаю, что можно привести еще один подобный пример, когда научно-исследовательский семинар стал бы основанием для подготовки и защиты двух докторских диссертаций. Я, в свою очередь, искренне благодарна коллегам, которые разрешили мне это написать.

Кроме того, хотела подчеркнуть, что этот семинар стал очень важной коммуникационной площадкой для логиков как нашей страны, так и зарубежных логиков. В его постоянном составе были участники из ведущих образовательных и научных учреждений России: МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, Московского городского педагогического университета, НИУ «Высшая школа экономики», Института философии РАН, Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), МГЮА им. О.Е. Кутафина, Всероссийской академии внешней торговли, СПбГУ, Казанского (Приволжского) и Уральского федеральных университетов, НИУ «Новосибирский государственный университет», ведущих университетов стран СНГ и, конечно, коллеги, друзья В.Н. Брюшинкина из Балтийского федерального университета, без организационного и творческого участия которых семинар просто не мог бы работать. Это: В.А. Чалый (принявший на себя руководство кафедрой после В.Н. Брюшинкина), А.Г. Пушкарский, Ю.Ю. Лёвкина (Мазур), И.А. Горьков, Д.В. Хизанишвили, Н.А. Глебова, в разные годы – еще многие преподаватели и аспиранты кафедры [Грифцова 2016].

Конечно, международные семинары, организованные В.Н. Брюшинкиным, носили самостоятельный характер, и всё-таки, на мой взгляд, в них нашли свое отражение не только автономная исследовательская деятельность, аналогичный опыт В.А. Смирнова, но и тот небольшой домашний семинар по И. Канту, который проводил с нами, студентами философского факультета МГУ, в 1976–1977 годах Б.С. Грязнов. Думаю, опыт этого семинара отразился, в частности, в идеях логического кантоведения.

Борис Семенович Грязнов – это *отдельная линия судьбы* в истории нашей небольшой группы логиков-семидесятников. Б.С. Грязнов официально не проходил «по ведомству логики», скорее, он относился к категории историков философии и методологов науки. В нашу группу он пришел как доцент кафедры истории зарубежной философии. Мы были его последней университетской группой. Потом он переехал в Обнинск, куда мы к нему ездили на семинары и конференции. Но его посмертная книга называется «Логика. Рациональность. Творчество» [Грязнов 1982]. Очень емкое и точное название книги, отражающее весь творческий путь Б.С. Грязнова. Это название книге дали его коллеги и друзья. Он дружил со всеми ведущими логиками нашей страны и, конечно, с кафедрой логики философского факультета МГУ как отдельным и специальным институтом философского факультета Московского университета. Он часто выступал в качестве оппонента на диссертационном совете по логике. Роль Б.С. Грязнова в моей личной интеллектуальной биографии трудно переоценить. Именно он благословил меня на диплом по проблемам психологизма. «Благословляю» – именно так он произнес в коридоре 1-го ГУМа, когда я изложила ему основные идеи и структуру своего диплома по проблемам психологизма – антипсихологизма в логике и методологии науки. Это был февраль 1977 года. В тот день у него не было времени подробно обсудить со мной какие-то детали моего диплома. Кроме того, он уже выразил свое отношение к плану моего диплома одним словом. Я сумела изложить ему этот план «за один коридор», как и было предложено: от парткома до кафедры логики⁶, где он должен был выступить в качестве оппонента на защите диссертации З.А. Сокулер. Она защищала диссертацию на тему «Проблема квантификации в модальной логике». В том же 1977 году, но уже весной Борис

⁶ Те, кто учился и работал в 1-м ГУМе (Первый гуманитарный корпус МГУ), хорошо помнят этот коридор.

Семенович задал мне вопрос: «Каково место логики в системе культуры?» Этот вопрос стал для меня важнейшим вопросом на долгие годы. Свой вариант ответа на этот вопрос я смогла предложить лишь спустя годы, в 1996 году, в совместной статье с В.С. Меськовым «Логика в системе культуры» [Сорина, Меськов 1996: 93–103].

В первой фразе этой статьи мы называем авторов ее центральных вопросов. Фраза звучит следующим образом:

Фактически у этой статьи есть еще два соавтора. Это наши учителя: Борис Семенович Грязнов и Будимир Николаевич Пятницын. В 1977 году Борис Семенович Грязнов сформулировал вопрос: «Каково место логики в системе культуры?» – и подарил его в качестве темы научно-исследовательской работы одному из нас. В то же время Будимир Николаевич Пятницын сформулировал похожий вопрос: «Что будет с культурой, если из нее убрать логику?» – и предложил другому из нас написать совместную работу на эту тему. В данной статье мы хотим поделиться нашим осмыслением ответов на эти вопросы [Там же: 93].

Именно Б.С. Грязнов познакомил меня с Н.В. Мотрошиловой. Это знакомство стало для меня важнейшей частью моей интеллектуальной биографии. Неля Васильевна никогда ничего не читала на моем курсе. Но я уходила со спецкурса по модальной логике, чтобы пойти на ее спецкурс по Гуссерлю. В те годы для меня очень важной была книга Н.В. Мотрошиловой «Принципы и противоречия феноменологической философии» [Мотрошилова 1968]. В последующие годы важны были и другие книги Н.В. Мотрошиловой. Главное – ее книги всегда были нужны и в педагогической практике (в своем курсе по истории философии я всегда учитывала работы Нели Васильевны, рекомендовала их моим студентам), и в теоретической работе. Отношение к учителям. Здесь Н.В. Мотрошилова тоже однажды как бы задала для меня образец такого отношения. Она сказала мне, что является ученицей К.С. Бакрадзе, что гордится этим, что К.С. Бакрадзе, в свою очередь, был учеником Э. Гуссерля, что он, в свою очередь, тоже гордился этим. Думаю, что такая цепочка «учитель – ученик – ученик» – это очень важная линия развития культуры в любой области. Мои Учителя всегда говорили о своих Учителях. Когда я написала докторскую диссертацию «Логико-культурная доминанта. Философско-методологические проблемы» (1993) и Н.В. Мотрошилова дала свое согласие быть моим оппонентом, то всё в моем мире как бы остановилось в ожидании ее вердикта. Ее вывод был позитивным, что, в частности, для меня создало внутренние условия возможности защиты. Никогда не забуду одну фразу Нели Васильевны, которую она произнесла, когда отдавала мне подписанный и заверенный отзыв. Она сказала: «Раньше историю философии рассматривали без проблем психологизма. Но можно и так». «Можно» – для меня это было ключевое слово.

Однажды (это был 2004 год) Неля Васильевна пришла ко мне на семинар, который проходил просто в рамках учебного расписания по философии на психологическом факультете МГУ. Семинар был посвящен И. Канту и проводился в контексте Методологии экспертного анализа текста (МЭАТ). После окончания работы семинара она пригласила студентов в ИФ РАН и там наградила каждого из приглашенных студентов томом двуязычного Канта. Уже в 2005 году в книге «Форум молодых кантоведов» (по материалам Международного конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти И. Канта) были опубликованы четыре статьи студентов филологического и психологического факультетов МГУ, которые работали со мной в контексте МЭАТ. Мои студенты в этом сборнике оказались единственными молодыми кантоведами, которые учились не на философском факультете.

Возвращаюсь к проблемам влияния Б.С. Грязнова на своих учеников. Б.С. Грязнов выдвинул поризматическую теорию развития науки [Грязнов 1982]. В.Н. Брюшинкин, высоко оценивая ее эвристический потенциал, в дальнейшем в ряде своих работ развивал предложенный Б.С. Грязновым подход. Так, уже после ухода В.Н. Брюшинкина его калининградскими коллегами была издана написанная Владимиром Никифоровичем в соавторстве с его бывшей аспиранткой Ниной Ходиковой монография «Теория поиска вывода. Происхождение и философские приложения» [Брюшинкин, Ходикова 2012], в которой проведена историко-логическая реконструкция происхождения теории поиска вывода из гильбертовской теории доказательств на основе поризматической модели происхождения теорий, предложенной Б.С. Грязновым, рассмотрены философские приложения теории поиска вывода, а в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья, посвященная применению поризматической модели к исследованиям в области истории логики [Брюшинкин 2013: 41–45].

Конечно, основное влияние на меня и моих друзей-коллег с кафедры логики оказали наши учителя логики и методологи. В то же время разные «ниточки влияния», как любила говорить Е.Д. Смирнова, на философском факультете проявлялись в разных ситуациях. Это могли быть совершенно неожиданные формы влияния представителей разных кафедр факультета. Более того, такое влияние может проявиться и просто сегодня, что называется, «здесь и сейчас». Расскажу только об одном эпизоде, который чрезвычайно важен для моей современной научно-исследовательской деятельности. Сам же эпизод относится к третьему курсу, к семинарским занятиям по немецкой классической философии. В этом эпизоде, на мой взгляд, как бы сошлись разные «ниточки развития» времени, эпохи и личной интеллектуальной биографии. Семинары по Гегелю у нас вел молодой преподаватель кафедры ИЗФ Г.В. Березовский. Он только что защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пьер Бейль: к характеристике мировоззрения и метода», был успешен и востребован. К нам на первую пару семинара он приходил на следующий день после семинаров в Высшей партийной школе (ВПШ). И, как бы не успев отдышаться от последней пары в ВПШ, достаточно долго и саркастически рассказывал о своих занятиях в этой школе. Потом мы переходили к обсуждению докладов. Так, мне Геннадий Васильевич дал доклад на тему «Проблема отчуждения в “Феноменологии духа” Гегеля». Эмоции третьекурсницы я даже не сумею описать. Но к этим эмоциям трепета, бесконечных сомнений по отношению к предложенной теме и возможности ее раскрыть добавлялись эмоции, связанные с тем, что в результате необходимости присутствия на семинаре в 9.00 (невозможно пропустить свой, хоть и совершенно неожиданный доклад) наша маленькая группа не сможет пойти в 8.00 в кинотеатр «Литва» на Мичуринском проспекте на фильм А. Тарковского «Зеркало». Это был фильм эпохи. Как известно, он вышел в прокат ограниченным тиражом, шел только в некоторых кинотеатрах и только в восемь утра⁷. В результате мы не попали в этот день на фильм, но, к счастью, ходили на другой день. Доклад я сделала в назначенный день. Весь последующий семестр Г.В. Березовский ссылался на мой доклад как пример того, как надо делать доклады. Конечно, студентке это было приятно. Но главное в той теме для меня заключается в том, что я с тех пор не расставалась с проблемой отчуждения. Она была в моем дипломе, в обеих диссертациях. Сейчас я работаю над проектом, где эта тема является определяющей. Мой

⁷ Потом, спустя годы В.В. Казютинский, который принимал меня в члены Дома ученых, поделился своими воспоминаниями о роли этого фильма в его жизни. Когда «Зеркало» уже перестали показывать в Москве, он узнавал, где его показывают в Питере, и ехал туда на поезде, чтобы еще и еще раз посмотреть фильм А. Тарковского.

научно-исследовательский проект называется «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)»⁸.

Трудно в одной статье рассмотреть историю поколения, даже если в рамках поколения в качестве частного примера рассматривается только узкий круг друзей-логиков. Проблемы преподавания, которые мы обсуждали в аспирантские и последующие годы, остались для нас важными на всю последующую жизнь. В частности, я в контексте решения проблем преподавания разработала Методологию экспертного анализа текста (МЭАТ). Мое авторское право на эту методологию подтверждено патентом, авторским свидетельством. На эту тему я написала ряд статей и опубликовала два учебных пособия [Сорина 2016; Сорина 2017].

В первом примечании к первому из этих пособий, изданному в 2016 году, я отмечала, что

...для меня как логика было важно заложить именно логические основания экспертной работы. Здесь, конечно, сказалось то, что метафорически можно назвать «методологической выучкой», которую формировала у студентов, аспирантов, специализирующихся по кафедре логики, Е.Д. Смирнова, профессор кафедры логики философского факультета. Именно благодаря ей формировался у нас, выпускников кафедры логики, логически ориентированный образ методологии исследовательской деятельности. Этот образ отнюдь не выстраивался в системе какой-то жесткой логической формализации, но предполагал умение работать с понятиями, вопросами, суждениями, умение делать выводы и выстраивать свою аргументацию. Все это и заложено в основание работы с аналитическими таблицами в рамках МЭАТ.

Так случилось, что последняя книга, которую читала Е.Д. Смирнова, было мое учебное пособие. Она успела его прочесть и позвонила мне, чтобы обсудить и поддержать. Конечно, я всегда буду очень благодарна Елене Дмитриевне и судьбе за этот звонок.

Думаю, что логико-аналитическое начало присутствует и в работах моих учеников – как аспирантов, которые приходили в философию из разных других предметных областей (среди моих аспирантов, успешно защитившихся, были специалисты, которые пришли в философию из истории, социологии, журналистики, связей с общественностью), так и дипломников, включая бакалавров и магистров. Линии учеников и учителей, где ты выступаешь как бы в качестве медиума, всегда пересекаются.

Невозможно в небольшой работе рассказать о логике и логиках, учителях и учениках, которые влияли друг на друга. В то же время, надеюсь, определенный набросок образа логики, логиков, судьбы, их объединившей, мне удалось представить.

Брюшинкин В.Н. 1988. *Логика, мышление, информация*. – Л.: Изд-во ЛГУ.

Брюшинкин В.Н. 1998. В.А. Смирнов и логическое кантоведение в Калининграде. – *Логическое кантоведение – 4. Труды междунар. семинара*. – Калининград: Калининградский ун-т. – С. 10–15.

Брюшинкин В.Н. 2000. Системная модель аргументации. – *Трансцендентальная антропология и логика. Труды междунар. семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений*. – Калининград: Калининградский ун-т. – С. 133–155.

⁸ Исследование проблем отчужденных форм научных коммуникаций ведется при поддержке РФФИ, проект «Отчужденные формы научной коммуникации (философско-методологический анализ)», № 20-011-00710 А.

- Брюшинкин В.Н. 2005. Обобщенная системная модель аргументации. – *Аргументация и интерпретация. Исследования по логике, аргументации и истории философии*. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. – С. 11–17.
- Брюшинкин В.Н. 2007. *Предисловие. Модели рассуждений – 1. Логика и аргументация. Сб. науч. статей* / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград. – С. 7–8.
- Брюшинкин В.Н. 2008. Аргументорика: исходная абстракция и методология. – *Модели рассуждений – 2. Аргументация и рациональность* / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. – С. 7–19.
- Брюшинкин В.Н. 2013. Поризматическая модель происхождения научных теорий и ее применение к исследованию истории логики. – *Вопросы философии*. – № 6. – С. 41–45.
- Брюшинкин В.Н., Ходикова Н.А. 2012. *Теория поиска вывода. Происхождение и философские приложения*. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта.
- Гадамер Х.-Г. 1988. *Истина и метод*. – М.: Прогресс.
- Грифцова И.Н. 1995. Заметки к программе построения неформальной логики. – *Научные труды Московского пед. гос. ун-та им. В.И. Ленина. Сер.: Социально-исторические науки*. – М.: Прометей.
- Грифцова И.Н. 1997. О соотношении формальной и неформальной логики. – *Научные труды Московского пед. гос. ун-та им. В.И. Ленина. Сер.: Социально-исторические науки*. – М.: Прометей.
- Грифцова И.Н. 1998. *Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики*. – М.: Эдиториал УРСС.
- Грифцова И.Н. 2016. Рассуждали в десятый раз (о 10-м Международном научно-исследовательском семинаре «Модели рассуждений»). – *Проблемы современного образования*. – № 6. – Доступно: <http://www.pmedu.ru>. – Проверено: 12.11.2022.
- Грязнов Б.С. 1982. *Логика. Рациональность. Творчество*. – М.
- Кант И. 1964. *Сочинения: в 6 т. Т. 3*. – М.: Мысль.
- Кассен Б. 2000. *Эффект софистики*. – М.; СПб.: Университетская книга.
- Лейбниц Г.В. 1984. *Сочинения. Т. 3*. – М.: Мысль.
- Маркин В.И. 2010. Владимир Александрович Смирнов: педагог и учитель. – *Владимир Александрович Смирнов. Сер.: Философия России второй половины XX века*. – М.: РОССПЭН. – С. 225–238.
- Мотрошилова Н.В. 1968. *Принципы и противоречия феноменологической философии*. – М.: Высшая школа.
- Рожанский И.Д. 1989. Ранняя греческая философия. – *Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1*. – М.: Наука.
- Сорина Г.В. 1991. Кантовские типы вопрошания и проблемы образования. – *Кантовский сборник*. – Калининград. – С. 139–147.
- Сорина Г.В. 1993. *Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре. Монография (лауреат премии А.Ф. Лосева)*. – М.: Прометей.
- Сорина Г.В. 2003. Критическое мышление: история и современный статус. – *Вестник МГУ. Сер. 7: Философия*. – № 6. – С. 98–111.
- Сорина Г.В. 2009. *Принятие решений как интеллектуальная деятельность*. – М.: Канон +.
- Сорина Г.В. 2013. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект. – *Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время»*. – Т. 3. – Вып. 2. – Доступно: <http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t3v2/index.php>. – Проверено: 12.11.2022.

Сорина Г.В. 2016. *Экспертный анализ текста: методология и практика. Учеб. пос.* – М.: Изд. центр АНОО «ИЭТ».

Сорина Г.В. 2017. *Методология экспертного анализа текста (МЭАТ) в образовательном процессе.* – М. – Доступно: <https://www.litres.ru/g-v-sorina/metodologiya-ekspertnogoanaliza-teksta-meat-v-obrazovatelnom-processe/>. – Проверено: 12.11.2022.

Сорина Г.В., Грифцова И.Н. 2007. Философские идеи Канта в контексте логики и педагогики. – *Иммануил Кант: наследие и проект.* – М.: Канон+. – С. 451–469.

Сорина Г.В., Меськов В.С. 1996. Логика в системе культуры. – *Вопросы философии.* – № 2. – С. 93–103.

Стенограмма... 1948. *Стенограмма Всесоюзного совещания преподавателей логики высших учебных заведений 21–26 июня 1948 года.* – [Рукопись].

Kusch M. 2000. The Sociology of Philosophical Knowledge: A Case Study and a Defense. – *The Sociology of Philosophical Knowledge / Ed. by M. Kusch.* – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Notturmo M. 1988. The basic confusion of psychologism. – *Логическое кантоведение – 4.* – Калининград. – С. 100–118.

Sorina G. 1998. Logic and Law in Russian and Western Culture. – *Twentieth World Congress of Philosophy.* – Boston.